

УДК 808.2(035.5)

Серебренникова Н.Г.

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет»

ФОРМИРОВАНИЕ ЭПИТЕТА И МЕТАФОРЫ НА ОСНОВЕ СРАВНЕНИЯ

Аннотация. Соотношение эпитета, метафоры и сравнения представлено в виде оппозиции, где немаркированным элементом является сравнение. Основой эпитета является полная сравнительная конструкция, в которой должно присутствовать прилагательное, на базе которого создаётся эпитет. Основой метафоры является сокращённая, неполная сравнительная конструкция, т.к. акцент на отдельных признаках был бы ошибочным. Подчёркивается, что эпитет, в отличие от метафоры, является словом, от которого можно образовать производные формы. Эпитет представляется как новая, самостоятельная языковая единица, а не как переносное, дополнительное значение уже известного слова.

Ключевые слова: метафора, эпитет, сравнение, изобразительно-выразительные средства, оппозиция, полисемия, омонимия.

N. Serebrennikova

Tambov State Technical University

FORMATION OF EPITHET AND METAPHOR ON THE BASIS OF COMPARISON

Abstract. The correlation between epithet, metaphor and comparison is given as an opposition where the unmarked element is comparison. The basis of epithet is the full comparative construction with adjective. On this basis epithet is created. The basis of metaphor is a reduced incomplete comparative construction, because it would be a mistake to emphasize separate characteristics. Unlike metaphor, epithet is a word from which any derivative forms can be made. Epithet is represented as a new independent language unit, but not as an indirect additional meaning of the word which is already known.

Key words: metaphor, epithet, comparison, stylistic devices and expressive means, opposition, polysemy, homonymy.

Многие изобразительно-выразительные средства тесным образом взаимосвязаны. В данной статье мы поставили перед собой задачу рассмотреть и уточнить некоторые аспекты взаимоотношений таких тропов, как эпитет, метафора и сравнение. Анализируя данные изобразительно-выра-

зительные средства, мы будем использовать в качестве примеров поэтические тексты К. Бальмонта.

Связь сравнения и метафоры общеизвестна, и в научной литературе это отмечается со времён Аристотеля [1, с. 194; 13, с. 236], но нашей целью является не подтверждение и не опровержение подобного мнения, а уточнение характера отношения метафоры и эпитета к сравнению, рассмотрение взаимодействия этих тропов в контексте троичной оппозиции. Надо отметить, что оппозитивный метод, разработанный Н.С. Трубецким применительно к фонологии [10], широко используется в рамках Тамбовской лингвистической школы [8, с. 319; 6, с. 83]. Например, данный метод применяется в области теории частей речи.

На наш взгляд, соотношение эпитета, метафоры и сравнения можно представить в виде троичной оппозиции: эпитет – сравнение – метафора (сравнение является немаркированным элементом). Таким образом, движение при построении тропов происходит от сравнения к эпитету и от сравнения к метафоре. Разумеется, что эпитет и метафору можно снова превратить в сравнение, но это будут уже восстановленные конструкции. Изначально же сравнение – троп более простой, чем эпитет и метафора, разумеется, не по своей форме, а по механизму своего образования.

В научной литературе всячески подчёркивается взаимосвязь эпитета, метафоры и сравнения. Так, например, Т.М. Фадеева, рассматривая вопрос о взаимодействии сложного эпитета с различными средствами выразительности, говорит, в частности, о взаимосвязи эпитета и метафоры [11, с. 48], эпитета и сравнения [11, с. 53].

Принято считать, что суть тропики – перенос наименования одного предмета на другой. Исходя из этого, можно предположить, что сравнение является как бы базой для других изобразительно-выразительных средств, так как прежде чем перенести наименование с одного предмета на другой, необходимо сравнить данные предметы по каким-либо признакам. Объясняя деривационные отношения между метафорой и сравнением, метафору часто рассматривают как сокращённое сравнение, отмечают, что «внутреннюю форму метафоры составляет образное сравнение» [4, с. 164]. Метафора и сравнение, таким образом, находятся по отношению друг к другу в дополнительном распределении. Всё зависит от характера построения текста. Если используется какое-либо сравнение, то его можно трансформировать в метафору, таким образом делая речь более сжатой. И, наоборот, метафору можно представить в виде сравнения. Сравнение как наиболее употребительная конструкция является базой для формирования метафоры, а метафора – это скомпрессированное сравнение:

*Как долог путь от быстрых зёрен сева
До мига золотого торжества.
Вся выгорела до косы трава.*
(К. Бальмонт. «Сноп»)

Метафору в данном стихотворении можно представить как сравнение: «урожай как золотое торжество» или «жатва как миг золотого торжества».

Взаимосвязанными являются также сравнение и эпитет. Но характер взаимосвязи сравнения и метафоры отличается от особенностей взаимосвязи сравнения и эпитета. Сравнение можно сделать эпитетом, а эпитет трансформировать в сравнение, но эта трансформация происходит по-другому.

Эпитет трансформируется в развёрнутое сравнение, в составе которого должно присутствовать качественно-предикативное слово, т.е. прилагательное. Например, эпитет в словосочетании «алмазная река» можно превратить в сравнение «река блестящая, многоцветная, как алмаз», т.е. мы должны выделить те прилагательные, те качественные признаки, которые составляют план содержания эпитета. Объяснение же эпитета в словосочетании «алмазная река» с помощью сравнения «река как алмаз» порождает неточность, т.к. данное сравнение не акцентирует внимание на плане содержания эпитета. С помощью подобного сравнения нельзя правильно объяснить механизм образования эпитета.

Механизм эпитета исследовался нами в работе «Механизм образования качественных слов (на примере поэтических текстов К. Бальмонта)» [9], где мы доказывали, что эпитет представляет собой скомпрессированное сравнение, что он создаётся на базе прилагательного с помощью существительного как мотивирующего слова [9, с. 108]. (Работа выполнена в рамках концепции динамической теории частей речи [6].)

Конечно, разница между сравнениями «река многоцветная, как алмаз» и «река как алмаз» состоит в том, что первая конструкция – полная, а вторая – сокращённая, эллиптическая, т.е. это разные формы одного и того же сравнения. Но для эпитета такое различие существенно, т.к. эпитет создаётся ради качественного признака, чтобы указать на него, обратить на него внимание. Так, например, Т.М. Фадеева справедливо отмечает, что «одной из ключевых характеристик эпитета является следующая: эпитет выявляет отличительную черту определяемого предмета» [12, с. 9].

Сокращённая форма сравнения может объяснить метафору, а не эпитет. С помощью метафоры не выделяются отдельные качества. Метафору создают не для этого. Метафора как бы делает неясными, нечёткими те качественные признаки, которые первоначально существовали в сравнении:

*Размаха – взреял вихрь, рокошет – громокрылый, –
И зыбь свечения – он сеткой взнёс, златой...
<...>*

*В Утёс Молчания – бьёт златоклювой вилой...
(К. Бальмонт. «Но я люблю тебя!...»)*

Используя метафоры «сетка» или «златоклювая вила», поэт не акцентирует внимание на качественных признаках. В данном случае и в любых других примерах с метафорами можно заметить, что один предмет как бы полностью заменяется другим. В данных метафорах речь не идёт о конкретных качествах (эпитет «златоклювая» относится к метафоре «вила»). Данные метафоры можно трансформировать в сравнения – «зыбь свечения как сетка», «вихрь как златоклювая вила, бьющая в скалы». Не следует здесь выдвигать на первый план какие-либо отдельные качественные признаки.

Ассоциации, проводимые метафорой между различными предметами, в какой-то степени основаны на качественных признаках, но данные признаки не являются целью метафоры, они не должны восприниматься отдельно от предмета. В этом и заключается разница между метафорой и эпитетом.

Часто возникает такой вопрос: к каким тропам следует относить слова *изумруд* или *золото* в выражениях «изумруд листвы» и «золото зари» – к метафоре или к эпитету?

Данные тропы часто называют метафорами, потому что они имеют форму существительного, а эпитет, как правило, ассоциируется с прилагательным. Мы считаем, что подобные слова можно назвать эпитетами, выраженными субстантивными формами прилагательного. (В динамической теории частей речи используются такие термины (названия частей речи), как *качественно-предикативное слово, адъективная форма существительного, субстантивная форма прилагательного* [6].) По нашему мнению, эпитет может иметь форму не только прилагательного, но существительного, наречия и даже глагола. Так, например, К.Б. Бархин говорит о том, что эпитет может иметь форму существительного, прилагательного или деепричастия. Г.Н. Пospelов считает, что эпитет может быть выражен существительным, прилагательным или наречием [2; 5]. Когда задаётся вопрос о том, к эпитету или метафоре следует относить то или иное выразительное средство, следует брать во внимание не частеречную принадлежность слова, а то, какой цели служит данное выразительное средство. Метафору легко отличить от эпитета. Эпитет всегда выдвигает на первый план какой-либо качественный признак, а метафора создаёт целостный образ, не беря во внимание отдельные признаки:

Лесная глушь – расплёсканное море.
От искры искра, зыбь и цепь огней,
Многорасцветный праздник головней.
(К. Бальмонт «Золотой обруч»)

Возникающий в воображении читателя целостный метафорический образ изначально построен на сравнении – «лесная глушь как море». Делая с помощью метафоры высказывание кратким, поэт создаёт более яркий образ. Но, сокращая высказывание и прибегая к помощи метафоры, автор получает возможность сделать образ более ощутимым и ярким. Лесная глушь не просто похожа на море – она и есть «расплёсканное море», а цветные искры и огни яркой осенней листвы – это «многорасцветный праздник головней». Добиться такой целостности восприятия лишь с помощью сравнения – невозможно. Этому мешает структура сравнения. Мы всегда будем чувствовать определённое мысленное расстояние между частями сравнения, думая примерно так: существует один предмет, и существует другой; они похожи, следовательно, у них есть какие-либо общие качественные признаки. Поэтому сравнение так или иначе укажет на наличие каких-либо признаков. В метафоре же то мысленное расстояние, которое существует между определяемым словом и самим тропом, резко сокращается.

Таким образом, и метафора, и эпитет в основе своей являются сравнением, однако эпитет актуализирует те качественные признаки, которые были заложены в сравнении, а метафора, напротив, как бы делает данные признаки нечёткими, неясными, акцентируя внимание на предмете в целом. Поэтому основой эпитета можно считать полную сравнительную конструкцию, в которой нужно использовать качественно-предикативное слово, послужившее базой для создания означаемого эпитета («алмазная река» – «река многоцветная, как алмаз»). Основой же метафоры можно считать эллиптическую сравнительную конструкцию, в которой неправильно было бы акцентировать внимание на отдельных качественных признаках («лесная глушь – расплёсканное море» – «лесная глушь как расплёсканное море»).

В отличие от метафоры, эпитет действует и на уровне тропики, и на уровне словообразования, т.к. имеет новый план содержания, построенный на семантической базе качественно-предикативного слова (например, эпитет *золотой* в словосочетании *золотая заря* построен на основе прилагательного *жёлтый*). Эпитет также имеет и новый план выражения, который заимствует у адъективной формы существительного (эпитет «золотая (заря)» построен с помощью адъективной формы существительного *золотой*) [9]. К тому же, от этого нового слова (эпитета) может образоваться целый ряд словоформ – эпитетов, выраженных мимикрическими формами прилагательного [9].

Отмечая тот факт, что эпитет можно рассматривать как новое слово, следует сказать о проблеме полисемии и омонимии. Как расценивать соотношение исходного существительного и эпитета, выраженного субстантивной формой прилагательного, а также – соотношение адъективной формы существительного и эпитета, выраженного прилагательным (*алмаз браслета* – *алмаз реки* и *алмазный браслет* – *алмазная река*)? Проблема заключается в том, следует ли считать данные отношения явлениями, присущими полисемии или, напротив, омонимии. Мы согласны с рассуждением Л.В. Малаховского, который пишет: «Принципиальное различие между омонимией и полисемией заключается в том, что при омонимии мы имеем дело с разными означаемыми, тогда как при полисемии означаемое одно и то же» [3, с. 46].

В данном случае, когда речь идёт о соотношении исходного существительного и эпитета, выраженного субстантивной формой прилагательного, а также о соотношении адъективной формы существительного и эпитета, выраженного прилагательным, основным является вопрос, имеют ли слова в этих двух парах разные означаемые или одинаковые. Если слова в этих парах имеют одинаковые означаемые, тогда можно говорить лишь о вариантах значения.

По вопросу соотношения полисемии и омонимии В.Г. Руделев пишет следующее: «Каждому слову словаря обычно приписывается несколько подчас отдалённых друг от друга значений. Явление многозначности (его называют ещё словом “полисемия”) как будто бы противоречит основному постулату о знаке: если в слове изменяется значение (означаемое), то это слово перестаёт быть тождественным самому себе, т.е. становится другим словом, омонимичным первому (речь, конечно, идёт о частичной омонимии, поскольку изменения в значении слова, как правило, сопровождаются сокращением или развитием некоторых грамматических форм, так что полной омонимии не возникает» [7, с. 51].

Мы полагаем, что слова в выражениях типа *алмаз браслета* – *алмаз реки*, а также – *алмазный браслет* – *алмазная река* являются омонимами, т.к. в парах данных слов мы имеем дело с разными означаемыми. Наше мнение основывается на том, что означаемое эпитета, выраженного прилагательным (*алмазная река*), строится на основе означаемого какого-либо качественно-предикативного слова. А эпитет, выраженный субстантивной формой прилагательного (*алмаз реки*), не может иметь одно и то же означаемое с исходным существительным, потому что данный эпитет образуется от эпитета, выраженного качественно-предикативным словом. Так как производящей лексемой эпитета является прилагательное, а не существительное (существительное выступает в роли мотивирующей

лексемы), то можно сделать вывод о том, что эпитет не надо рассматривать как переносное значение уже известного слова. Эпитет – это новая языковая единица.

В данном случае, как отмечает В.Г. Руделев, речь идёт о частичной омонимии, в том смысле, что от эпитета (*алмазная река*) можно образовать субстантивную форму (*алмаз реки*) и все другие формы прилагательного, что невозможно, если мы имеем дело с адъективной формой существительного (*алмазный браслет*), которая сама является производной от существительного (*алмаз браслета*).

Однако подобные случаи (существительное *алмаз* и эпитет *алмаз* в выражениях *алмаз браслета* и *алмаз реки*) часто квалифицируются как явления полисемии, т.е. авторы словарей рассматривают существительное *алмаз* и эпитет *алмаз* не как разные слова, а как значения одного и того же слова. Так, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова в отношении слова *золото* и других аналогичных примеров говорится о прямом и переносном значениях одного и того же слова. В.Г. Руделев в данном случае замечает: «Во многих случаях (там, где констатируются разные значения слова) мы встречаемся только с частичной омонимией. Ср., например, прямое и так называемое “переносное” значение слова “серебро” (по 17-томному словарю русского языка ...)» [7, с. 51].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эпитет и метафора формируются на основе сравнения. Соотношение данных изобразительно-выразительных средств можно представить в виде троичной оппозиции, где немаркированным элементом является сравнение, а маркированными элементами будут эпитет и метафора по признаку выраженности / невыраженности качественного признака. Мы считаем эпитет самостоятельной языковой единицей, т.е. новым словом, а не дополнительным, переносным значением уже известного существительного или адъективной формы существительного. Поэтому мы предлагаем рассматривать отношения существительного и эпитета, выраженного субстантивной формой прилагательного, а также адъективной формы существительного и эпитета, выраженного прилагательным, как отношения, относящиеся к явлению омонимии, а не полисемии.

Литература:

1. *Аристотель*. Риторика // Аристотель и античная литература. / Гаспаров М.Л., Миллер Т.А. М.: Наука, 1978. С. 164–230.
2. *Бархин К.Б.* Сборник упражнений по стилистике. М.: Учпедгиз, 1937. 127 с.
3. *Малаховский Л.В.* Теория лексической и грамматической омонимии. Л.: Наука, 1990. 239 с.

4. Москвин В.П. Стилистика русского языка: Теор. курс. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 630 с.
5. Поспелов Г.Н. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1978. 351 с.
6. Руделев В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовского университета. 1996. Вып. 1. С. 83–89.
7. Руделев В.Г. Слово в лексической системе языка. Тамбов: Тамбовск. гос. пед. ин-т, 1984. 73 с.
8. Руделев В.Г. Типы нейтрализаций и классификация оппозиций: на материале русского литературного языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972. С. 319–333.
9. Серебренникова Н.Г. Механизм образования качественных слов (на материале поэтических текстов К. Бальмонта) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2000. Вып. 3 (19). С. 106–109.
10. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Иностр. Лит., 1960. 372 с.
11. Фадеева Т.М. Взаимодействие сложного эпитета в художественном тексте с другими средствами выразительности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 4. С. 47–54.
12. Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2014. 42 с.
13. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Ладомир, 1994. 475 с.